

УДК 902/904 (093)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.1.169.176>

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТКАНИ ПО СООБЩЕНИЯМ БЕРЕСТИЯНЫХ ГРАМОТ ВТОРОЙ ТРЕТИ XIII – XV ВВ.

© 2024 г. Е.М. Калугина

В статье представлены результаты изучения найденных в Новгороде и Пскове берестяных грамот второй трети XIII – XV вв., содержащих информацию о тканях данного периода. В исследовании анализируются сведения о единицах измерения тканей, их окраске и белении, ассортименте текстиля и ценности его определенных видов. Также обращается внимание на тексты, свидетельствующие о местном производстве упоминаемых тканей либо об их импортном происхождении. Основные данные о тканях из рассматриваемых грамот сравниваются с домонгольским периодом. В результате проведенного анализа установлено, что на Руси во второй трети XIII – XV вв. были распространены ткани из тех же видов сырья, что и в домонгольское время, – из шерсти, шелка, льна и конопли; при этом грамоты указывают на разнообразие тканей из одного и того же сырья, что было связано с различиями в степени обработки текстиля и его окраске. Вместе с тем появилась информация об использовании населением тканей из хлопка, сведений о котором тексты предыдущего периода не содержали. Изучение грамот также показало, что ткани на Руси измерялись локтями и отрезами, окрашивались в разные цвета, а ткани из растительного сырья могли белиться. Присутствие на рынке тканей из шелка и хлопка, относившихся к импортному текстилю, подтверждает наличие у Руси экономических связей с другими странами. Кроме того, грамоты свидетельствуют об участии тканей во внутренней торговле, о возможности внесения их вместо денежного налога, а также использования их как средства уплаты долгов и возмещения убытков.

Ключевые слова: археология, средневековье, берестяные грамоты, Новгород, Псков, ткани, локоть, отрез, окраска и беление, качество, торговля тканями

MEDIEVAL FABRICS ACCORDING TO THE TEXTS OF BIRCH-BARK LETTERS OF THE SECOND THIRD OF THE XIII – XV CENTURIES

Е.М. Kalugina

The article presents the results of the study of Novgorod and Pskov birch-bark letters of the second third of the XIII – XV centuries, containing information about fabrics. The research includes an analysis of data on fabric length measures, textile dyeing and bleaching, range of fabrics and value of their certain types. Besides that, a special focus is given to the texts pointing out the local manufacturing of fabrics or their foreign origin. The most important data on fabrics mentioned in the birch-bark letters are compared with the pre-Mongol period. As a result of the analysis, it was found out that textiles common in Rus in the period from the second third of the XIII to the XV century were made of the same raw materials as in pre-Mongol times – wool, silk, flax and hemp; meanwhile the birch-bark letters indicate a variety of fabrics from the same raw material, and that was due to the differences in the quality of textile processing and its dyeing. At the same time information about the use of cotton fabrics appeared in the period under review, though such information was absent in the documents of the previous period. The study of birch-bark letters also showed that Rus fabrics were measured by cubits and by pieces of cloth, textiles were being dyed in different colors, and fabrics made from vegetable raw materials could be bleached. The fact of presence on the market of silk and cotton, which were imported fabrics, confirms the existence of economic relations of Rus with other countries. Besides, birch-bark texts demonstrate that fabrics were involved in internal trade, they could be used for tax payment instead of money, as well as means of paying debts and compensating losses.

Keywords: archaeology, Middle Ages, birch-bark letters, Novgorod, Pskov, fabrics/textiles, cubit, piece of cloth, dyeing and bleaching, weaving, textile trade

Берестяные грамоты являются важным источником информации о жизни средневекового общества, в том числе дают ценные сведения о его хозяйственной деятельности, торговле, бытовом укладе. Одной из характеристик, показывающих уровень развития экономических отношений и организацию повседневной жизни населения, являются особенности тканей, их ассортимент, происхождение, способы их использования.

Сообщения о тканях встречались в берестяных грамотах еще в домонгольское время: данные о них содержались в 22 (двадцати двух) из 634 грамот XI – первой трети XIII в. (gramoty.ru). В последующий период частота упоминания тканей существенно не изменилась; свидетельства о них оставались немногочисленными: в частности, к периоду второй трети XIII – XV вв. относятся 560 грамот, из которых 17 штук содержат сведения о тканях – 1 грамота из Пскова, остальные из Новгорода (gramoty.ru). При этом в 6 грамотах имеются записи о тканях из растительного волокна (№№ 21, 65, 288, 354, 500, 1068), в 6 грамотах – о тканях из шерсти и козьего пуха (№№ 56, 130, 262, 366, 765, Пск. 7), в 1 – о ткани из хлопка (№ 125); шелк упоминается в 1 грамоте наряду с тканью из льна (№ 288), а в двух грамотах, являющихся частями одного документа, сорта тканей определяются в соответствии с их окраской без указания иных признаков (№ 262, 263). Кроме того, в 1 грамоте говорится, вероятно, про ткань из хлопка или шерсти (№ 413), а еще 2 грамоты могут быть отнесены к сообщениям о тканях лишь предположительно (№ 536, 622).

Из грамот видно, что в период второй трети XIII – XV вв. на Руси широко использовались ткани из растительного сырья. Их наиболее распространенными видами были полотно и холст. Так, например, об обоих видах тканей идет речь в грамоте № 1068, найденной на Козмодемьянском-3 раскопе в слоях второй четверти XIV в. В данном документе, составленном сборщиком налогов и являющемся списком доходов или выплат, приводятся размеры налога. Налог измерялся гривнами, но вместо денег могла вноситься сельскохозяйственная продукция и иные изделия. В частности, дети Тимошки вместо половины гривны внесли кожу, «полотна десять локоть» и «холоста веретищ(е)» (Гиппиус, Зализняк, 2016, с. 10).

Прочитанный фрагмент подтверждает, что на Руси использовались разные виды тканей из растительного сырья, в частности полотно и холст. Необходимо отметить, что средневековое полотно обычно изготавливалось из льна, холст – из льна или конопли. При этом, поскольку в грамоте указано, что полотно и холст вносились вместо денежного налога, представляется, что эти ткани производились в домашнем хозяйстве. Кроме того, из текста следует, что на Руси одной из единиц измерения тканей был локоть. В рассматриваемый период на разных территориях Руси локоть различался по длине, но новгородцы обычно измеряли ткани «иваньским» локтем, который должен был соответствовать образцу, хранившемуся в церкви Ивана на Опоках (Арциховский, Янин, 1978, с. 95). Другой единицей измерения тканей считалось «веретище», что в деловых документах обычно означало «отрез» ткани (Гиппиус, Зализняк, 2016, с. 10).

В грамоте № 500 (20-е – 50-е гг. XIV в.), происходящей со Славенского раскопа и представляющей собой список имущества, также сообщается о полотне. В частности, наряду с деньгами, хозяйственным инвентарем и иными предметами, в документе указаны «полотна два локтя» (Зализняк, 2004, с. 543). Из данного перечня видно, что полотно измерялось локтями, как было отмечено и в грамоте № 1068. Кроме того, обращает на себя внимание факт упоминания полотна среди прочего имущества, характерного для повседневной жизни, что говорит о распространенности данного вида ткани и о типичности ее присутствия в домашнем хозяйстве рассматриваемого периода.

Еще один вид ткани из растительного сырья указан в грамоте № 21, обнаруженной на Неревском раскопе в слоях 10-х – начала 20-х гг. XV в. и являющейся частью письма, адресованного ткачихе. Автор просит, чтобы она «взяла... уозцинку и выткала», а также поручает ей выслать сотканное: «и ты ко мне пришли» или побелить изготовленную ткань, если ее будет не с кем прислать: «а не угоди це с кем прислать и ты у себя избели» (Арциховский, 1954, с. 22; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 198). Данный текст свидетельствует о том, что на Руси занимались ткачеством и изготавливали ткани из сырья растительного происхождения, в частности узчину. Узчиной

обычно называли узкий холст (Срезневский, 1912, стб. 1174), то есть ткани из растительного волокна различались по ширине. При этом важной является и информация о том, что холсты на Руси белились. Кроме того, грамота указывает на то, что в Новгороде в XV в. имелись специалисты, занимавшиеся ткачеством на заказ.

Наряду с перечисленными видами тканей из растительных волокон, в изучаемый период на Руси продолжала использоваться ткань из конопли или льна грубой выделки – вретиче. Сведения о ней содержатся в грамотах № 65 (последнее 20-летие XIII в.) и № 354 (40-е – 70 гг. XIV в.) с Неревского раскопа. Так, в грамоте № 65 Матвей просил своего адресата – Есифа Давидова привезти ему ряд товаров, в том числе «две медвежьих шкуры да веретища да попоны...», а в грамоте № 354 новгородский посадник Онцифор Лукинич дал своей матери поручение приобрести товары, а также послать ему теплые вещи и иные хозяйственные предметы, в том числе «... два тагана, коракую, клейма, полсти, веретища, мешки и медвежью шкуру» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 183; Зализняк, 2004, с. 536, 550). Учитывая то, что вретиче упоминается в процитированных грамотах в числе других теплых вещей и домашнего инвентаря, это наименование могло относиться не к самой ткани, а к изделиям из нее (например, подстилка, одеяло, полог). Кроме того, перечисление вретича вместе с повседневными предметами хозяйственно-бытового назначения говорит об обыденности использования данного вида ткани.

Грамота № 288, найденная на Неревском раскопе (10–30-е гг. XIV в.), является концом хозяйственной записки, содержащей список товаров, в числе которых названы «...полотна 3 локтя ..., золотник зеленого шелка, другой [золотник] красного, третий – желто-зеленого», а также «золотник белил» и «"бургальское" мыло» (Зализняк, 2004, с. 541). Данная грамота, аналогично грамотам №№ 500 и 1068, свидетельствует о распространенности на Руси полотна и о том, что оно измерялось локтями. Одновременно в тексте зафиксирован тот факт, что в рассматриваемый период, как и в домонгольское время, на Руси использовался импортный текстиль, в частности шелк. При этом согласно приведенному фрагменту распространенной окраской шелка

были красная, зеленая и желтая. Мерой измерения (веса) шелка являлся золотник, который применялся для этой цели еще в X в. (Арциховский, Борковский, 1963, с. 117).

Наряду с полотном и шелком автор грамоты указывает белила и «бургальское» мыло, которые либо были предназначены для отбелики ткани, либо их стоимость составляла «белу», представлявшую собой одну из денежных единиц. В любом случае данный документ подтверждает, что в текстильном производстве использовались белила, то есть в средневековой Руси ткани (в частности полотно) белились. Кроме того, из текста усматривается, что декорирование текстиля побелкой не ограничивалось. Для дальнейшего оформления ткани использовался шелк. Предполагается, что три золотника разноцветного шелка требовались автору для того, чтобы сделать отделку на полотне (Арциховский, Борковский, 1963, с. 117). При этом необходимо отметить, что в грамотах второй трети XIII – XV вв. шелк встречается крайне редко – он упоминается лишь в 1 грамоте (в то время как, например, в грамотах домонгольского времени о шелке речь идет в 4 случаях).

Вместе с тем в рассматриваемый период в грамотах появилась информация еще об одном виде импортного текстиля – о ткани из хлопка. В частности, о нем говорится в грамоте № 125, обнаруженной на Неревском раскопе в слоях конца XIV в. – 1400-х гг. Она является письмом, в котором Марина просит сына купить ткань: «... Купи мне зендянцу хорошую...» (Арциховский, Борковский, 1958, с. 60). «Зендень» в XIV в. представляла собой хлопчатобумажную ткань, которая производилась под Бухарой (селение Зандана). «Зендень» являлась одной из наиболее дешевых привозных тканей и была доступна широким слоям населения (Черепнин, 1969, с. 296). Обращение Марины к сыну с просьбой купить ткань из хлопка свидетельствует о том, что такой текстиль присутствовал на рынке в свободной продаже. Более того, автор просит купить ей не любую зендень, а «хорошую» («зендянцу добру»), то есть находившаяся в продаже ткань из хлопка могла быть разного качества. Следует также подчеркнуть, что хлопковые ткани на Руси в изучаемый период не производились и были импортными, в связи с чем использование населением такого текстиля указывает на наличие эконо-

мических связей между Новгородом и Средней Азией. Эти связи осуществлялись посредством торговли Новгорода с Поволжьем, через которое поступали восточные товары (Рыбина, 1978, с. 83).

Помимо тканей из растительных волокон и шелка, в Новгороде были широко распространены шерстяные ткани. Как и в домонгольское время, основное место среди них занимало сукно. На Руси сукном называли плотную ткань из шерсти, имевшую разное качество, для которой была характерна валяная поверхность. При этом домотканое сукно обычно не подвергалось окраске, его цвет зависел от цвета шерсти, использовавшейся для изготовления текстиля (Левашова, 1966, с. 114). Домотканое сукно из овечьей шерсти использовалось населением повсеместно. Кроме того, на Русь ввозилось большое количество импортного сукна, что подтверждают археологические находки тканей (Рыбина, 1978, с. 82).

На распространенность сукна указывает и то обстоятельство, что из шести грамот, содержащих сведения о тканях из шерсти и пуха, в пяти документах говорится именно о сукне. О нем сообщается, например, в грамоте № 366, встреченной на Неревском раскопе и датированной 60-ми – 70-ми гг. XIV в. Документ является судебной записью о взыскании, произведенном с Якова в пользу Харитона и Юрия по бессудной грамоте. При описании взысканной компенсации отмечено, что «взял Юрий за все то рубль и три гривны и коробью пшеницы. А Харитон взял десять локтей сукна и гривну» (Арциховский, 1963, с. 63), то есть из грамоты видно, что в изучаемый период сукно могло использоваться для расчетов и возмещения убытков наряду с деньгами и зерном. При этом сукно измерялось локтями, как и ткани из растительного сырья.

О сукне упоминается и в грамоте № 765 с Троицкого раскопа (40-е – 60-е гг. XIII в.), представляющей собой письмо Данилы брату – Игнату. Данила просит брата позаботиться о нем, прислать ему одежду, а также скинуть цену на сукно (сделать вычет из цены на сукно): «... Пришли же буро-красный плащ, а я здесь деньги отдам. Да скинь, сколько дашь за сукно» (Янин, Зализняк, 2000, с. 61). Приведенный текст указывает на то, что сукно имело определенную рыночную стоимость, могло являться предметом сделок и торга.

О той же ткани идет речь и в Псковской грамоте № 7, раскопанной на усадьбе Онфима и Вацюты (конец XIII – начало XIV века). Автор письма – Степан просит в своем письме Вацюту вывезти сукно: «... Сколько ты взял того сукна, [в этом] я полагаюсь на Бога и на тебя. Срочно погрузи его на ладью, при этом объяви своим сукном...» (Зализняк, 2004, с. 517). В письме не уточняется, какой вид сукна автор просил вывезти и по какой причине предлагал Вацюте выдать эти ткани за свои. Вместе с тем в рассматриваемый период в Новгороде и Пскове были известны многочисленные случаи захвата у иностранных купцов их товаров, в том числе тканей (Зализняк, Колосова, Лабутина, 1993, с. 207–208), соответственно, данная грамота могла касаться поспешного вывоза сукна, захваченного Степаном у иностранного торговца. В то же время причиной написания грамоты могла стать и возможная конфискация товара у Степана в связи с долгом или по иным мотивам. Учитывая то, что автор грамоты планировал вывезти сукно достаточно сложным и опасным способом (путем срочной погрузки в ладью и выдачи за чужой товар), представляется, что вне зависимости от причины таких действий процитированная грамота свидетельствует не только о распространенности на Руси сукна, но и о достаточно высокой ценности некоторых разновидностей подобного текстиля.

Следует также обратить внимание на грамоту № 130, содержащую сведения о видах сукна. В данном документе, найденном на Неревском раскопе в слоях 80-х гг. XIV в. – 1400-х гг., содержится список тканей, которые необходимо получить (или которые уже получены) в виде дани, недоимки или в результате покупки: «... У Вигаря 19 локтей «сери». У Валита в Кюлолакше 14 локтей «сери». У Вайваса Ваякшина 12 локтей водмола и 12 с половиной локтей «сери». У Мелита в Куроле 4 локтя «сери»...» (Зализняк, 2004, с. 597). «Серью» называли грубое сукно; это наименование относилось к «серому» сукну и обозначало некрашеную ткань. Водмол также являлся одним из видов грубого домотканого сукна. Водмол и «серь» были схожи по своим характеристикам (оба являлись грубыми и, как правило, небелеными), однако из рассматриваемого списка видно, что эти сорта сукна были различны. Кроме того,

грамота подтверждает, что сукно, в том числе его указанные виды, измерялось локтями, как и полотно.

О водмоле говорится и в грамоте № 56 (вторая треть XIII в.), происходящей с Неревского раскопа и представляющей собой отрывок текста: «...водмола локо(т-)...» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 183; Зализняк, 2004, с. 518). Учитывая фрагментарность записи, ее сложно истолковать, однако речь в ней идет о локтях (или локте) водмола.

Следует отметить, что на Руси одним из способов обозначения тканей являлось их указание посредством ссылки на их цвет. Таким путем описаны ткани, перечисленные, например, в грамотах №№ 261 – 264. Эти грамоты, относящиеся к периоду 40-х – 70-х гг. XIV в., были обнаружены на Неревском раскопе и составляли единый документ, являвшийся перечнем свадебных подарков (Буров, 1978, с. 87). В тексте названы знатные люди, каждый из которых делал подарок в виде блюд, дорогих кож, тканей и войлочных ковров, в том числе среди подарков имелись «портище зелени» (грамота № 262) и «портище голубине» (грамота № 263) (Буров, 1978, с. 86). Указанные в грамотах №№ 262 и 263 «зелень» и «голубина» являлись конкретными видами тканей, имевшими, соответственно, голубую и зеленую окраску. Такой способ наименования тканей путем описания их цвета без приведения какой-либо иной информации о виде текстиля был распространен уже в домонгольское время и продолжал использоваться в изучаемый период. Согласно рассматриваемому документу, принесенные в качестве даров ткани измерялись «портищами», то есть отрезами. При этом обычно отрез соответствовал длине, необходимой для пошива одного кафтана (Зализняк, 2004, с. 609).

Кроме того, в грамоте № 262 имеются данные о том, что от одного из включенных в список людей в качестве подарка поступила «сорочица цатрова» (Арциховский, Борковский, 1963, с. 89), то есть тканью, из которой была сшита подаренная рубаха, являлся цатр (или чатр). Цатром на Руси называлась дорогая ткань из козьего пуха; она обычно использовалась для пошива одежды богатых людей (Левашова, 1966, с. 116).

К документам, содержащим сведения о тканях, может быть отнесена также грамота № 413 с Ильинского раскопа, датирован-

ная 1400 – 1410-ми гг. Грамота представляет собой письмо попу Ивану от Семена, который дает ему поручение проследить за оставленным на хранение имуществом, в том числе просит «пересмотреть» свое «москотье», чтобы его не испортила моль (Арциховский, Янин, 1978, с. 18). Причина обращения автора именно к попу с просьбой о проверке сохранности своего имущества может объясняться тем, что в Новгороде существовала практика хранения товаров в подвалах каменных церквей, которые были более защищены от пожаров, чем жилые дома. При этом «москотьем» на Руси могли обозначать либо имущество в целом, либо галантерею, либо ткани, имевшие определенную ценность, и мелкие изделия из них (Зализняк, 2004, с. 663; Черепнин, 1969, с. 314). Вариант толкования термина «москотье» как «ткани» или «изделия из тканей» в данном контексте считается наиболее вероятным. В грамоте не указано, какие именно ткани находились на хранении в церкви. Но, исходя из того, что автор письма опасается порчи тканей молью, можно предположить, что в письме речь идет о хлопчатобумажном текстиле (Арциховский, Янин, 1978, с. 18) или о шерсти (Зализняк, 2004, с. 662).

Необходимо также рассмотреть две грамоты (№ 536 и № 622), которые лишь предположительно могут быть отнесены к документам, содержащим сведения о тканях. Так, грамота № 536, встреченная на Дмитриевском раскопе в слоях 2-й половины XIV в., адресована попу, которому прислали товар или которого просят купить определенный товар, в том числе записано: «(т)[о]тарьского пол локти... Омочи и пристриги...» (Арциховский, Янин, 1978, с. 138; Янин, Зализняк, 1993, с. 176). В тексте имеются существенные пропуски, однако упомянутый в грамоте товар измерялся локтями и автор просил этот товар замочить и пристричь, то есть поручение касалось сукна или овчины. При изучении процитированного фрагмента исследователи отказались от расшифровки названия товара как «милотарьское», что означало овчину, и перевели его как «сукно татарское» (Зализняк, 2004, с. 629). При указанном варианте перевода данная грамота свидетельствует о присутствии на новгородском рынке определенного сорта сукна («татарского»), а также об осуществлении местными производителями операций по обработке такого сукна.

В грамоте № 622, происходящей с Троицкого раскопа (60-е гг. XIV в. – начало XV в.), Матвей предлагал своим компаньонам (Марку и Саве) позаботиться о своем имуществе и имуществе Якова, в числе которого было «неправное серебро» (Зализняк, 2004, с. 579–580), то есть деньги, полученные от сбыта или тюленьих кож, или непряженого льна, или домотканого холста. В случае трактовки понятия «неправное серебро» как «деньги от продажи холста», данная грамота может рассматриваться как одно из подтверждений того факта, что ткани местного производства поступали на рынок и участвовали в торговых операциях.

Таким образом, берестяные грамоты второй трети XIII – XV вв., содержавшие сообщения о тканях, относились преимущественно к числу частных писем и хозяйственных записей, а две грамоты являлись официальными документами (№№ 366 и 1068). Тексты о тканях были немногочисленными, при этом количество упоминаний о текстиле по сравнению с домонгольским временем существенно не изменилось. Грамоты показывают, что во второй трети XIII – XV вв., как и в предыдущий период, на Руси использовались ткани из шерсти, шелка и растительных волокон (конопли, льна); кроме того, выделялись различные виды тканей в зависимости от степени обработки текстиля и его окраски: например, ткани из животного сырья представлены в грамотах цатром и сукном, отдельными видами которого были водмол и «серь»; ткани из растительного сырья представлены полотном, холстом, узчиной, вретischem. Обращает на себя внимание меньшее количество записей о шелке (1 грамота, а в домонгольский период – 4). Причем, в отличие от домонгольского периода, когда в текстах не приводилось родовое название ткани («шелк»), а указывались его конкретные виды (например, паволоки, фофудьи), в грамоте рассматриваемого

периода вид шелка не отмечен. Также новым стало сообщение о хлопчатобумажной ткани (грамота № 125), которая в предыдущий период в грамотах не упоминалась, и применение которой для домонгольской Руси не было характерным. Представляется, что наличие в берестяной грамоте информации о тканях из хлопка свидетельствует об их присутствии в свободной продаже. При этом автор грамоты № 125 пишет о конкретном сорте хлопчатобумажной ткани – «зендень», что говорит о среднеазиатском производстве данного текстиля и подтверждает наличие торговых связей Руси с Востоком во второй трети XIII – XV вв. Кроме того, в текстах появились сведения о некоторых видах тканей из конопли, льна и из животного сырья, ранее в грамотах не встречавшихся (в частности цатр, «серь», узчина), однако представляется, что отсутствие упоминаний о таком текстиле в более ранний период не исключает вероятности его использования населением. Следует отметить, что, как и в домонгольское время, ряд тканей определялся авторами грамот посредством указания их цвета без приведения какой-либо иной информации, что было характерным для средневековой Руси. Вместе с тем рассмотренные тексты указывают на то, что ткани измерялись локтями и отрезами, окрашивались в разные цвета, а ткани из растительного сырья могли белиться.

Из грамот также усматривается, что ткани являлись объектом торговли, средством уплаты долгов и возмещения убытков, могли вноситься вместо денежного налога. При этом авторы ряда грамот указывали о покупке и продаже текстиля, о его стоимостной оценке, что подтверждает наличие разных видов тканей на внутреннем рынке. Кроме того, присутствие на рынке тканей импортного производства (в частности тканей из шелка и хлопка) говорит о том, что текстиль участвовал как во внутренней торговле, так и во внешней.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: АН СССР, 1954. 91 с.
- Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.: АН СССР, 1963. 118 с.
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: АН СССР, 1958. 158 с.
- Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: АН СССР, 1963. 328 с.

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.

Буров В.А. Новгородские свадебные документы XIV в. на бересте // Археографический ежегодник за 1977 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1978. С. 86–87.

Гиппиус А.А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 7–17.

Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Зализняк А.А., Колосова И.О., Лабутина И.К. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // РА. 1993. № 1. С. 196–210.

Левашиова В.П. Об одежде сельского населения Древней Руси // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. 40 / под ред. А.П. Смирнова. М.: Советская Россия, 1966. С. 112–119.

Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: МГУ, 1978. 167 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (в трех томах). Т.3. СПб: Тим. Имп. Академии наук, 1912. 1684 стб.+ 272 стб., 13 с.

Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969. 438 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари, 2000. 430 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.) Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 285 с.

Gramoty.ru: Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1500&text=&translation=>. Дата обращения: 01.08.2023

Информация об авторе:

Калугина Елизавета Михайловна, аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия); kalugina_lizaa@mail.ru

REFERENVES

Artsikhovskiy, A. V. 1954. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 g.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1952 excavations))*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Artsikhovskiy, A. V. 1963. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1958–1961 excavations))*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Artsikhovskiy, A. V., Borkovskiy, V. I. 1958. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1953–1954 excavations))*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Artsikhovskiy, A. V., Borkovskiy, V. I. 1963. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956–1957 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1956–1957 excavations))*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Artsikhovskiy, A. V., Yanin, V. L. 1978. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1962–1976 excavations))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Burov, V. A. 1978. In Shmidt, S. O. (ed). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1977 god (Archaeographic year-book for 1977)*. Moscow: “Nauka” Publ., 86–87 (in Russian).

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. 2016. In *Voprosy yazykoznaniiya (Issues of linguistics)* (4), 7–17 (in Russian).

Gippius, A. A., Sichinava, D. V. 2021. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)* (2), 178–259 (in Russian).

Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt (Old Novgorod dialect)*. Moscow: “Yazyki slavyanskoj kul'tury” Publ. (in Russian).

Zaliznyak, A. A., Kolosova, I. O., Labutina, I. K. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 196–210 (in Russian).

Levashova, V. P. 1966. Smirnov, A. P. (ed). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Papers)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 40. Moscow: “Soviet Russia” Publ., 112–119 (in Russian).

Rybina, E. A. 1978. *Arkheologicheskie ocherki istorii novgorodskoy trgovli X–XIV vv. (Archaeological sketches on the history of Novgorod trade in X–XIV centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Sreznevskii, I. I. 1912. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam (Materials for the dictionary of the Old Russian language according to the written monuments)* vol. 3. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Cherepnin, L. V. 1969. *Novgorodskie berestyanye gramoty kak istoricheskij istochnik (Novgorod birch-bark letters as a historical source)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 1993. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1984–1989 excavations))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 2000. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 1990–1996 excavations))* vol. X. Moscow: “Russkie slovari” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.) (Novgorod birch-bark letters (from the 2001–2014 excavations))* vol. XII. Moscow: “Yazyki slavyanskoj kul'tury” Publ. (in Russian).

Gramoty.ru: Drevnerusskie berestyanye gramoty (Old Rus birch-bark letters). Available at: =. (accessed 01.08.2023) (in Russian).

About the Author:

Kalugina Elizaveta M. Novgorod State University. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., 41, Velikiy Novgorod, 173003 Russian Federation; arsmertin@mail.ru



Статья поступила в журнал 01.12.2023 г.
Статья принята к публикации 01.02.2024 г.